

Вадим Радун, главный режиссер Псковского драматического театра, поставил удачный спектакль по «Факультету ненужных вещей» Ю. Домбровского. В прошлом сезоне он же поставил пьесу Б. Хмельницкого «Ванька Каин» — о вполне исторической личности, Ваньке Каине, который был разбойником, а также одним из основоположников русского политического сыска, поскольку с течением времени стал «сдавать» своих бывших товарищей полиции. И играл его Юрий Новохижин — тот, который играет Якова Абрамовеича Неймана в «Факультете...».

Вот тут-то — в профессиональной близости персонажей — и кроется сюжет, который меня заинтересовал, поскольку он, на мой взгляд, затрагивает тему одной из

«больших дорог» русской истории. «Большую дорогу» следует понимать и в буквальном смысле — как магистральный путь, и в фигуральном — как путь, на котором было очень много крови.

Итак — Ванька Каин, существо зоологическое, без всяких моральных принципов; все у него сводится к простейшим потребностям: пожрать повкуснее, выпить как следует, облапать ту, до кого дотянутся руки. Трагедии, которые происходят из-за него, его не пугают: вот повесилась красавица Лопухина (Н. Стрельцова), чтобы спастись от его «любви». Переживает вроде бы, однако продолжает делать то же, что и раньше, не удручая себя воспоминаниями.

А Яков Абрамовеич? То же отсутствие моральных прин-

«КАРУСЕЛЬ» И ИСТОРИЯ

ципов, та же способность делать все, что прикажут, — предавать, убивать, доносить. Плюс изрядная порция демагогии.

Думаю, что Ю. Новохижин ощущает это, чувствует не как исследователь, не политологически, а по-актерски, потому что сходны коллизии и ситуации пьес и ролей. И натужная лихость Ваньки Каина, и солидность Неймана — только маскировка: под ними — постоянная неуверенность. У Ваньки —

затаенная мысль, что все кончится, и его в конце концов арестуют, у Неймана — тоже. Страх этот движет обоими. Но у Ваньки как тип есть хотя бы что-то вроде «исторической перспективы»: в финале мы видим его во фраке, а потом — в «сталинском» френче. А Нейману дальше идти уже некуда. Исчерпанность «сталинской перспективы» хорошо понятна, так что впереди в конечном счете — только уничтожение.

В двух спектаклях, поставленных Вадимом Радун, видны контуры русской истории. Не очень, скажем так, веселой и увлекательной, но реальной. Радун вообще тяготеет к истории, даже специальный театр основал — в Покровской башне, «Карусель» называется, — и ставит там исторические сочинения, с успехом, между прочим, ставит. Вот и «Факультет...» там пойдет.

Театру сейчас нелегко — и без того было тяжело, а сейчас, пожалуй, еще тяжелее. По тем же причинам, что и другим театрам России. И в дни всеобщей «политизации мозгов» резонный возникает вопрос: до театра ли тут? Тем более до истории ли? Но выясняется, что да — до русской истории и современности, до театра исторической пьесы и хрони-

ки. Примером — успех «Карусели». Если художник не суетится, если он делает то, что считает нужным, а нужным считает не сверхмодные поделки, но произведения, в которых бьется и стремится разрешить свои насущные проблемы дух народный, то рано или поздно к нему придет успех.

Жаль только, что успех этот приходит в российские театры нередко поздовато. И режиссеры сегодняшнего дня — а их не так уж мало — такие, как Вадим Радун или Юрий Копылов (о нем в «ЭС» писала Нина Агишева), — в полной мере могут рассчитывать на реализацию своих планов скорее в будущем, нежели в настоящем.

Юлий СМЕЛКОВ.
ПСКОВ.